

Неформальные политические институты в пореформенной России

Е.В. Богданович:
общественный деятель пореформенного времени

Михаил Друзин

E.V. Bogdanovich: public figure of the post-reform period

Mikhail Druzin

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S086956870008275-3

Генерал Евгений Васильевич Богданович (1829—1914) известен историкам преимущественно как хозяин правомонархического салона, существовавшего в Петербурге в 1870—1910-х гг.¹, а также как супруг Александры Викторовны Богданович (1846—1914), прославившейся тем, что она несколько десятилетий вела дневник, фрагменты которого, опубликованные в 1924 г. и не раз переизданные², стали незаменимым источником для исследователей общественной и политической жизни пореформенной России. При этом про 1850—1870-е гг. биографы Богдановича пишут обычно бегло и преимущественно на основе брошюр, выходявших к различным юбилеям Евгения Васильевича, причём не без его непосредственного участия³. Между тем по имеющимся данным далеко не очевидно, являлся ли салон Богдановичей в 1870—1880-е гг. «правомонархическим» (и вообще «политическим»), чем именно объяснялось его влияние и что обеспечивало успех общественной деятельности генерала. По мнению М.М. Леонова, «Богданович не имел значительного состояния или блестящих семейных связей, однако сумел выдвинуться, обретя патрона в крупном чиновнике Н.А. Ермакове»⁴. Другим источником «социального капитала», позволявшим достигать «новых высот в карьере», Леонов считает «обеда» Богдановичей. Однако они начались не ранее середины 1870-х гг., когда генерал занимал уже заметное положение в обществе. Как же он его достиг?

© 2020 г. М.В. Друзин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 125—188.

² Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990; М., 2008; *Богданович А.В.* Дневники. 1879—1912. М., 2018.

³ См., в частности: 35-летние труды Е.В. Богдановича по пожарной части (1861—1896). СПб., 1896; Материалы для биографии Е.В. Богдановича ко дню его 80-летия (26 февраля 1909 г.). СПб., 1909; Светлый юбилей. СПб., 1909; *Плетнёв М.Д.* «Сеятель доброго слова» Е.В. Богданович. СПб., 1914.

⁴ *Леонов М.М.* Салонные связи и карьера генерала Е.В. Богдановича // Вестник Самарского муниципального института управления. 2010. № 1(12). С. 105.

Родился Евгений Васильевич 26 февраля 1829 г. в Херсоне в семье Василия Ивановича Богдановича (ок. 1783—1853), который по окончании кадетского корпуса в 1803 г. поступил в Ахтиарский гарнизонный полк, участвовал в войнах с Турцией и Францией, дошёл до Парижа и в 1814 г. вышел в отставку в чине подполковника. В 1816 г. он стал полицмейстером в Херсоне, где 15 августа 1817 г. обвенчался в купеческой Успенской церкви с Марией Львовной Альбрант (ок. 1800 — до 1844) — дочерью городского головы коммерции советника Л.О. Альбранта (ок. 1762 — между 1826 и 1833)⁵. В марте 1819 г. по императорскому указу Богдановичу «в уважение отличной службы и увечья от ран, полученных в сражениях», были предоставлены 1 тыс. десятин в Тираспольском уезде взамен данной при отставке пенсии и ещё 500 десятин «для заведения скотоводства на общих правилах» (на деле этот участок был сразу же продан). Однако осенью того же года ему пришлось «по прошению» покинуть свой пост, а в 1820 г. он оказался под судом. 25 марта 1825 г. Александр I утвердил мнение Государственного совета, рекомендовавшего не определять более Богдановича «к подобным должностям»⁶. Впрочем, данное ограничение не мешало ему в 1827—1833 гг. состоять директором Богоявленских казённых мануфактур. В 1832 г. оно и вовсе было отменено. 5 ноября 1835 г. надворный советник Богданович был назначен председателем аудиториата штаба Черноморского флота и портов, а летом 1839 г. его произвели уже в действительные статские советники. В октябре 1851 г. он вышел в отставку. «Помню, как сейчас, — писал его сын в начале XX в., — я этого старца, как я сам теперь, убелённого сединами, сурового и строгого председателя аудиториата Черноморского флота и портов в 30-х и 40-х годах, когда он то со слезами в голосе, то с радостью рассказывал, как у Березины гнал врагов из России, как был контужен при Гольниздоре и тяжело ранен в голову под Шампобером, как торжественно с войсками вступил в Париж»⁷.

В 1820—1834 гг. у Богдановича родились 9 детей, но, судя по формулярному списку, в 1843—1844 гг. он был уже вдов⁸. Евгений до 13 лет обучался дома и в частном учебном заведении, а 6 мая 1842 г. стал «гардемарином Черноморского флота»⁹. Там же впоследствии начинали свою службу его младшие братья Алексей (1830 — после 1865), Владимир (1831—1872), Орест (1833—1859) и Виктор (1834—1855). Только старший брат Лев (1826—1853) делал карьеру в армии¹⁰. Во флоте Е.В. Богданович прослужил 9 лет: в 1844 г. его переименовали юнкером, в 1846 г. произвели в мичманы, а в 1851 г., после недолгого пребывания на Балтике, перевели прапорщиком в Виленский егерский полк «с назначением в должность старшего адъютанта дежурства новороссийского

⁵ Дед Евгения Васильевича являлся уроженцем города Амбрюка (Дофинэ). В 1784 г. он прибыл на собственном корабле с товарами в Херсон, где вскоре женился и осел, а в 1800, 1806, 1808, 1814 и 1817 гг. избирался на 3 года головой. В начале XIX в. ему удалось в несколько раз увеличить городские доходы и выплатить большую часть долга, лежавшего на местном обществе. Сам Лев (Людовик) Осипович Альбрант (D'Albrant) владел вместе с женой 4 тыс. десятин в Херсонском уезде и домом в городе. В их семье было 10 детей (РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 1428, л. 12—15 об.; Государственный архив Одесской области, ф. 37, оп. 3, д. 193, л. 68 об.).

⁶ РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 4404, л. 4—6; Список гражданским чинам первых восьми классов по старшинству. СПб., 1850. С. 11—12.

⁷ *Богданович Е.В.* 1812 год. СПб., [1912]. С. 12.

⁸ РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 4404, л. 4 об.—6.

⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 160—161.

¹⁰ Общий морской список. Ч. IX. СПб., 1897. С. 240—244.

и бессарабского генерал-губернатора»¹¹. Чего-либо достичь на море Евгений не успел. Тем не менее в дальнейшем он неизменно подчёркивал свою связь с морской корпорацией. По словам И.И. Колышко, «при каждом торжественном для флота случае он в пышной телеграмме поздравлял “героев Синопа” и подписывался “черноморец”»¹². Когда в 1873 г. отмечался 65-летний юбилей адмирала Ф.М. Новосильского, Богданович, посетив его, произнёс пламенную речь, опубликованную затем в «Московских ведомостях», а позднее включённую «по просьбе многих моряков» в книгу «Синоп». В ней, в частности, упоминалось и о том, что капитан Новосильский был милостив к автору, когда тот молодым мичманом плавал под его начальством на корабле «Три святителя»¹³. В 1875 г. Богданович вспоминал, как, «состоя в 1850 году мичманом на шхуне “Ласточка”... сам был лично свидетелем того общего восторга, с которым по всей Черноморской линии одушевлены были кавказцы вследствие известия о посещении Кавказа наследником цесаревичем»¹⁴.

Судя по послужному списку Е.В. Богдановича, в 1842, 1844 и 1846—1850 гг. он от двух до пяти с половиной месяцев находился «для практики и эволюции» на фрегате «Месемврия», бриге «Персей», шхуне «Ласточка», кораблях «Три святителя» и «Память Азова», пароходе «Северная звезда», тендере «Спешной». В основном это были «походы» от Николаева до Севастополя или Одессы и обратно, либо крейсерство в Финском заливе. В сравнительно больших плаваньях ему довелось участвовать лишь дважды: в мае—августе 1848 г. из Архангельска в Кронштадт на корабле «Память Азова» под командой капитана 1-го ранга П.С. Лутковского и в 1849 г. «в отряде судов Абхазской экспедиции» на «Ласточке» (более пяти месяцев)¹⁵.

Между тем жандармы, собиравшие осенью 1865 г. сведения о деятельности Евгения Васильевича, весьма нелицеприятно отзывались о его поведении в 1840—1850-х гг.: «С самого начала своей службы Богданович предался светским развлечениям и большею частью проводил время в отпусках в Одессе»¹⁶. Некоторый светский лоск, знание французского языка, ловкость в танцах открыли ему доступ во многие дома; но как средств удовлетворять потребностям подобной жизни у Богдановича было немного, то он прибегнул к долгам. На первый раз долги эти были заплачены какою-то тёткою его, весьма богатою женщиною; впоследствии же, когда долги всё более и более увеличивались, она отказалась платить. Положение Богдановича сделалось тогда весьма шекотливым; ему в особенности неловко было потому, что некоторые из долгов своих он гарантировал честным словом, которого однако ж не сдержал; вследствие того он вынужден был уехать из Одессы»¹⁷.

Выпутаться из затруднительной ситуации помогло лишь то, что «Богданович пользовался особенным расположением проживавшей тогда в Одессе

¹¹ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161.

¹² Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 184.

¹³ Богданович Е.В. Синоп. 18 ноября 1853 г. СПб., 1878. С. 167—169.

¹⁴ Богданович Е.В. Из воспоминаний о путешествии государя императора по Кавказу в 1850 году // Русский инвалид. 1875. 26 ноября.

¹⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 163—164.

¹⁶ В составленном в декабря 1865 г. «Полном послужном списке полковника Богдановича», находящемся в одном деле с жандармской характеристикой, до 1856 г. указан лишь один отпуск на 28 дней, который Богданович получил 28 февраля 1850 г. и «по болезни просрочил по 25 мая». Официально больше всего он провёл в отпусках в 1856—1860 гг. (Там же, л. 161).

¹⁷ Там же, л. 36.

генеральши Кудрявцевой, не жившей с мужем и имевшей значительное состояние». Видимо, именно она способствовала назначению Евгения Васильевича в дежурство и быстрому продвижению: через год (летом 1852 г.) он уже получил чин подпоручика, а в феврале 1854 г. стал «за отличие по службе» поручиком. В августе того же года его даже наградили за строительство моста через Днестр в Бендерах орденом Св. Анны 3-й степени. 22—26 марта 1855 г., сопровождая новороссийского генерал-губернатора Н.Н. Анненкова, Богданович побывал в осаждённом Севастополе. В августе 1855 г., по протекции своей покровительницы, он был назначен адъютантом гр. А.Г. Строганова, сменившего Анненкова в Одессе, и вскоре произведён в штабс-капитаны. «Оставшиеся долги, — как утверждалось в жандармской справке, — уплатила г. Кудрявцева, об этом говорил весь город, да иначе и быть не могло, ибо у Богдановича денег не было. Впрочем, интимные отношения с г-жею Кудрявцевою нисколько не препятствовали Богдановичу искать любовных приключений в других местах; но эти похождения были далеко не так удачны, и Богдановичу приходилось часто быть не совсем в приятном положении при тех лицах, которые считали себя вправе заступаться за преследуемых им особ». Службой себя штабс-капитан явно не утруждал: в 1856 и 1858 гг. по полгода лечился, а в марте 1859 г. снова отправился в отпуск «по домашним обстоятельствам». В июне того же года его «по требованию военного министра» вызвали в Петербург и в марте 1860 г. перевели в Лейб-гвардии Стрелковый Императорской фамилии батальон¹⁸.

Однако, прослужив на новом месте два месяца, Богданович вновь выпросил отпуск на четыре месяца, вернулся через полгода с очередным медицинским свидетельством и капитанским чином и сразу же подал рапорт о переводе в МВД, ссылаясь на «расстроенное здоровье». Командовавший батальоном полковник гр. Н.В. Левашов, «будучи убеждённым в слабом здоровье офицера сего», на следующий же день, 9 февраля 1861 г., поддержал его ходатайство перед С.С. Ланским. Впрочем, сам перевод растянулся до середины марта¹⁹. По сведениям жандармов, в Петербурге «Богданович... в поведении своём несколько исправился, а потому тётка его начала ему помогать. Выхлопотав ему место при Министерстве внутренних дел, она объявила, что не ранее передаст часть своего состояния, пока он не получит места губернатора. Богданович назначен был состоять при министре внутренних дел с зачислением по армейской пехоте майором без содержания»²⁰.

6 апреля 1861 г. Ланской командировал Богдановича в города Орловской, Курской, Полтавской и Харьковской губерний «для осмотра тамошних пожарных команд» и передачи их в заведование местных городских обществ. О своих действиях он подробно сообщал новому министру П.А. Валуеву. «Имея в виду, — писал Евгений Васильевич из Болхова 26 мая, — что для успеха в сем деле важнее всего согласие и влияние купечества, я просил Губарева пригласить к нему на дом поболее купцов, дабы я мог с ними лично познакомиться, и когда приглашённые собрались, в разговорах со всеми и с каждым порознь я старался разъяснить несомненную выгоду общественного дела. Заметив, что ра-

¹⁸ Там же, д. 466, л. 36—37, 160—161; РГИА, ф. 1284, оп. 51, 1888 г., д. 50, л. 269 об.—270; оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 161—161 об.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161; РГИА, ф. 1284, оп. 51, 1888 г., д. 50, л. 269 об.—270; оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 3—4 об.

²⁰ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865 г., д. 466, л. 37.

душное обхождение с ними и разъяснение приводит к желаемому результату, я предложил городскому голове пригласить купцов и мещан в думу, где, заявляя им заботы правительства, объяснил цель и пользу устройства общественной пожарной команды»²¹.

В 1862 г. Богданович вновь выехал в Орловскую, Полтавскую и Харьковскую, а также во Владимирскую, Воронежскую и Нижегородскую, в 1863 г. — в Казанскую, Костромскую, Саратовскую и Симбирскую губернии «для совещания с городскими обществами по предмету введения взаимного страхования от огня имуществ» и убеждения «жителей к основанию общества взаимного страхования от пожаров». Предварительно, видимо, по совету Валуева, он посетил Ригу, где изучал организацию страхового дела. В поездках Богданович поначалу часто встречал «несочувствие горожан», но его настойчивость «сломила все препятствия»²². Желая поддержать усердие и авторитет майора, министр способствовал награждению Евгения Васильевича орденом Св. Станислава 2-й степени, предоставил ему должность чиновника по особым поручениям (по-прежнему без содержания) и даже добился в декабре 1862 г. его производства по особому докладу в подполковники (вопреки правилам, допускавшим повышение штаб-офицеров в чинах за отличие лишь через три года)²³.

В январе 1864 г. по желанию Н.Н. Анненкова (в то время — киевского генерал-губернатора) Богданович был направлен для занятий делами Юго-Западного края. Вернулся он оттуда через год уже полковником²⁴. Впрочем, жандармы в ноябре 1865 г. оценивали его успехи довольно сдержанно: «С 1862 года Богданович имел несколько поручений по Министерству внутренних дел, при исполнении которых руководствовался советами начальника отделения Хозяйственного департамента коллежского советника Ермакова, человека чрезвычайно дельного. При таком содействии и при незатруднительности самых поручений он исполнил их довольно удачно и получил последовательно чины подполковника и полковника». Вместе с тем чиновники МВД, «имевшие близкие с Богдановичем отношения по службе, составили себе о нём мнение, как о пустом и бесхарактерном человеке». Летом 1865 г. «за границу, как носят слухи, Богданович вёл себя не совсем осторожно и всюду очень хвастал своими связями и аристократическим знакомством, чем и возбудил недоверие к себе»²⁵.

Осенью 1865 г. карьера Е.В. Богдановича едва не завершилась самым скандальным и катастрофическим образом. 7(19) августа девица М. Толбузина направила Александру II «нижайшую и искреннейшую просьбу» о защите. «Как в жалобе, так и при следствии, — писал 29 декабря Валуеву шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков, — Толбузина обвиняла Богдановича в том, что он, пригласив её в Париж в качестве гувернантки к детям сестры его г-жи Жандр, которой тогда в Париже не было, поместил вместе с собою в заранее нанятой им квартире, где в течение 3-х дней и 2-х ночей предавался различным бес-

²¹ РГИА, ф. 1287, оп. 34, 1861 г., д. 1318, л. 12.

²² 35-летние труды Е.В. Богдановича по пожарной части... С. 5—6; ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161.

²³ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161—162; РГИА, ф. 1284, оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 40—40 об., 55—55 об.

²⁴ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 162; РГИА, ф. 1284, оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 67.

²⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 37.

чинствам, обнаружив покушения на её честь, но Толбузина не допустила его совершить над нею преступление и уехала обратно в Женеву. В заключение она изъяснила, что от Богдановича никакого удовлетворения получить не желает»²⁶. Поручителем и покровителем девушки выступил служивший в русской посольской церкви в Женеве протоиерей А.К. Петров, ещё 6(18) августа сообщивший о случившемся своей духовной дочери — фрейлине Д.Ф. Тютчевой²⁷. Поддержал его и посланник при Швейцарском союзе А.П. Озеров²⁸. Вскоре судьбой обиженной сироты заинтересовалась и вел. кн. Елена Павловна²⁹. Управлявший III отделением Собственной е.и.в. канцелярии Н.В. Мезенцов вынужден был признать, что «личность Богдановича далеко не представляет тех прочных гарантий, которые могли бы привезти (так в тексте. — *М.Д.*) к заключению его полной невинности в этом деле»³⁰. Подробные (и достаточно пикантные) показания Толбузиной были доложены Александру II, решившему, что «другого не остаётся, как выписать её сюда для очных ставок»³¹. 4 ноября началось официальное следствие, которым руководил генерал-майор Свиты П.Н. Слепцов, при участии состоявшего при шефе жандармов гвардии полковника В.М. Родзянко и депутата от МВД — д.с.с. Ф.Н. Анненского (делопроизводство вел к.с. А.Ф. Переяславцев — чиновник по особым поручениям при статс-секретаре у принятия прошений).

Богданович отрицал все обвинения и пытался представить свои действия в Париже невинным недоразумением; жалобу он объяснял интригами протоиерея Петрова, недовольного критическими отзывами о своей пастырской деятельности. Одновременно, как отмечали Слепцов и Родзянко, «при следствии, во время допросов, Богданович позволял себе говорить, что если бы он действительно был виноват в тех поступках, в которых его обвиняют, то дело не заключает в себе ничего важного или особенного, чтобы назначать следствие и требовать его к допросу, что подобные поступки совершаются ежедневно многими лицами и, однако, их никто не преследует; что как бы дело его не кончилось, он не подарит (так в тексте. — *М.Д.*) посланнику Озерову за то, что последний не принял его; что “Московские ведомости” и все газеты за границей напечатают его дело; что мерзкая девчонка Толбузина разрушила его карьеру, и что все, принимавшие в ней участие, теперь убедились в её клевете и отступились от неё»³². Подобная защита успеха не имела, поведение и показания Богдановича были признаны неудовлетворительными³³. Не помогли ни обращение к кн. Долгорукову генерал-контролёра Контрольного департамента морских отчётов А.П. Жандра (мужа родной сестры Евгения Васильевича Александры), ни наивные письма Александру II и вел. кн. Елене Павловне президента Генерального совета Женевского кантона Бральяра, уверявшего, что полковник — «жертва интриги» и «был только ветрен и легкомысленен»³⁴.

²⁶ Там же, д. 466, ч. 1, л. 92; д. 466, ч. 2, л. 1—2; РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 808, л. 11—11 об.

²⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, ч. 1, л. 5—6.

²⁸ Там же, л. 38, 44—45.

²⁹ Там же, д. 466, ч. 2, л. 40.

³⁰ Там же, д. 466, ч. 1, л. 43.

³¹ Там же, л. 48; д. 466, ч. 2, л. 62—75.

³² Там же, д. 466, ч. 1, л. 129—130.

³³ Там же, л. 97—103, 107—131, 134—135.

³⁴ Там же, л. 24—25, 99—100.

Богдановича ожидал военный суд, однако характер преступления и тяжесть пренебреженного за него наказания (лишение дворянства и несколько лет каторги) требовали по закону или признания вины, или «полных улик». Чтобы собрать их, следственные действия пришлось бы продолжать в Париже, а это было и дорого, и чревато ещё более громким скандалом. Поэтому Слепцов и Родзянко рекомендовали ограничиться увольнением полковника со службы «как навлекшего на себя жалобу в таких поступках, которые не согласны с правилами нравственности и благородства, и не представившего к опровержению жалобы достаточных доказательств»³⁵. 29 декабря кн. Долгоруков сообщил Валуеву о выводах следствия, одобренных императором³⁶.

Валуев сразу же поверил показаниям Толбузиной, о которых ему сообщили Озеров и кн. Долгоруков. «Я думаю, — ещё 18 августа писал он шефу жандармов, — что Богданович способен на это подлое дело (“set act infâme”), потому что этот человек выдаёт себя за набожного, бегаёт по монастырям, но имеет все качества лицемера первой степени». «Я его терпел вследствие случайных обстоятельств, — оправдывался министр, — и потому ещё, что, несмотря на личное моё отвращение к нему... он служил с некоторою деятельностью и без жалования». Уже в середине августа Валуев готов был предписать полковнику «оставить министерство», но затем решил дождаться царского вердикта. При этом он не сомневался, что, «во всяком случае, этот человек должен покинуть службу и лишиться мундира, которого он недостоин». Но едва ли Пётр Александрович был готов к тому, что ему самому придётся решать судьбу «этого мерзавца (“ce miserable”), поведением которого семейство Анненкова, г-жа Потёмкина и гр. Левашов будут более изумлены, чем я»³⁷. Во всяком случае, в январе 1866 г. глава МВД решил не раздувать скандал, а командировать Богдановича в Вятскую и Пермскую губернии, где возникли перебои с продовольствием и начались волнения горнозаводского населения. Предполагалось, что, вернувшись через несколько месяцев, полковник сам подаст прошение об отставке³⁸.

Богданович успешно справился с поставленной перед ним задачей. На Урале оценили его усилия. Так, коллежский асессор Гессен, опекун предприятий П.А. Демидова, 14 июня 1866 г. писал: «Убедившись в том, что Вы, Евгений Васильевич, как лицо, доверенное от высшего правительства, много сделали для успокоения ревдинского населения, имею честь покорнейше просить Вас уделить несколько времени, заехать в Рождественские заводы, поговорить с крестьянами — они уже наслышались от ревдинских, как Вы разрешили их недоумения. Здешние Вас ждут с нетерпением, что Вы им скажете? Не знаю, недостаток ли внутренний или общее недоверие к дворянам и чиновничеству или тайные возбуждения, но делу остановка! Я вполне уверен: Ваши слова и влияние остановят крестьян от своеволия и перервут средства лицам неблагонамеренным пользоваться легковерием крестьян»³⁹. Едва ли такие услуги оказывались безвозмездно. Но, так или иначе, когда Богданович вернулся в столицу, где после каракозовского покушения обострилась борьба в правитель-

³⁵ Там же, л. 135.

³⁶ Там же, л. 92—93. См. также: РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 808.

³⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, ч. 1, л. 7—12. В деле сохранились подлинные письма Валуева на французском языке и сделанный жандармами перевод.

³⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 808, л. 42.

³⁹ Там же, ф. 1291, оп. 53, 1866 г., д. 188, л. 3—3 об.

ственных сферах, Валуев уже не вспоминал о его парижских похождениях, а кн. Долгоруков к тому времени и вовсе покинул жандармское ведомство.

Именно в ходе поездки на Урал Богданович осознал потребности региона в строительстве новых путей сообщения и оценил связанные с этим перспективы. Осенью 1866 г. он выпустил в Петербурге брошюру «О сибирской железной дороге и о развитии уральского горного промысла» и в 1867—1880 гг. регулярно публиковал или инспирировал статьи на эту тему в «Московских ведомостях», «Голосе», «Санкт-Петербургских ведомостях». В августе 1875 г. ему удалось выступить с докладом о Сибирской и Средне-Азиатской железной дороге на Международном географическом конгрессе в Париже. Выступление вызвало большой интерес, стали поступать предложения от иностранных компаний, готовых вложить средства в строительство магистрали⁴⁰. Впрочем, по словам Е.М. Феоктистова, Богдановичу «было решительно всё равно, построят эту дорогу или нет, она служила ему только средством обирать сибирских купцов, которые были заинтересованы в ней и которым он сулил золотые горы. С замечательною ловкостью умел он устраивать для себя выгодные командировки, разъезжал по России, выставлял себя влиятельным лицом в Министерстве внутренних дел и в Министерстве путей сообщения, брал где только можно и большие куши, и по мелочам»⁴¹. Так, в 1871 г., заняв на год через Л.Н. Жадовскую 100 тыс. руб. на покупку акций Сибирской железной дороги, он не возвращал долга и не выплачивал проценты, обещая «поделиться предстоящими миллионами», а затем попытался прекратить всякое общение и болезненно реагировал на визиты Жадовских, которым пришлось жаловаться в МВД⁴².

Долги постоянно сопутствовали Богдановичу. Ещё 5 мая 1865 г. Департамент общих дел МВД уведомил его о претензиях 10 человек, которым он задолжал в общей сложности 7 105 руб. Подобные ходатайства поступали и позднее, до начала 1880-х гг. Богданович занимал, рассказывая о своих знакомствах и влиянии, а потом, отказываясь возвращать деньги, объяснял, что жаловаться в МВД бесполезно, поскольку «у него там все друзья и приятели»⁴³. Так, у вдовы мелкого чиновника А.В. Калуферовой он взял в январе 1864 г. под расписку на четыре месяца без процентов 300 руб., пообещав помочь ей устроить её дела в министерстве, после чего на следующий же день уехал из Петербурга. В феврале 1866 г. вдове пришлось жаловаться на него петербургскому генерал-губернатору кн. А.А. Суворову, однако Евгений Васильевич был уже на Урале⁴⁴. Просители, обращаясь в МВД, рассчитывали на уплату долгов чиновника из его жалованья, и тут только узнавали, что содержания он не получает. Со временем в МВД, угрожая арестом и увольнением, всё же вынудили его начать понемногу расплачиваться с кредиторами. Деньги же у Богдановича имелись, во всяком случае их хватало на то, чтобы регулярно выезжать в Европу на несколько недель и даже месяцев.

⁴⁰ Материалы к истории вопроса о Сибирской железной дороге. СПб., 1891. С. 163—168; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 69.

⁴¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания. 1848—1896. М., 1991. С. 254.

⁴² РГИА, ф. 1284, оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 316—316 об.

⁴³ Там же, л. 93.

⁴⁴ Там же, л. 142—142 об.

Та роль, которую играл Богданович, требовала известности и респектабельности. Неудивительно, что в начале 1870-х гг. Евгений Васильевич начал упорно добиваться генеральского чина. Причём поддерживал его в этом не только А.Е. Тимашев, возглавлявший в 1868—1878 гг. МВД, но и Валуев, ещё недавно брезгливо осуждавший «это ничтожество», а позднее, осенью 1880 г., называвший его в дневнике «хлыщом»⁴⁵. Именно к нему, руководившему тогда Министерством государственных имуществ, полковник обратился за помощью 17 декабря 1874 г. «Вы, вероятно, знаете полк[овника] Богдановича, — в тот же день писал Валуев Д.А. Милютину. — Нет севастопольского обода без его речи и нет области, в кругу деятельности МВД, в которой он не проявил бы, в то или другое время, своей деятельности. В моё время он принёс особую пользу в деле городских страховых обществ (взаимных), и особенно во время голода, в шестидесятых годах, на Урале. Считаю его человеком болезненным и думаю, что без его болезненности его способности принесли бы ему и другим ещё более пользы; но во всяком случае знаю, что генеральские эполеты его заветная, давняя мечта, и что он 11 или 12 лет служит МВД без жалованья и денежных пособий. Он 30 лет в офицерских чинах, полковником лет 10. Нельзя ли его осчастливить? Знаю также, что его производство будет исключением, что оно не подходит под правила. Но должно же, однако же, быть что-нибудь исключительное и в положении Богдановича, чтобы о нём повторительно ходатайствовал ген. Тимашев, и чтобы я Вас обременял тремя страницами о нём же. При свидании доложу Вашему высокопревосходительству ещё подробнее ту же просьбу»⁴⁶.

Не дожидаясь устных объяснений, военный министр сразу же ответил: «Пламенное желание полковника Богдановича получить генеральские эполеты давно мне известно, и я неоднократно был в тяжёлой необходимости жестокосердно высказывать ему несбыточность его домогательств, советовал ограничить свои виды генеральским чином гражданского покроя». Милютину явно раздражало, что «г. Богданович непреклонен и возобновляет по временам свои атаки»⁴⁷. Год спустя, 28 декабря 1875 г., Валуев вновь взывал: «У меня был четыре раза полк[овник] Богданович. Он же писал ко мне три раза. М[инистр] в[нутренних] д[ел] Вам писал официально о производстве с зачислением в запас. Пишу и я. Авось на этот раз Вы себя самих и прочих ублагодарите и успокоите тень ген. Хрущева, постоянно вызываемую Богдановичем»⁴⁸. Однако Милютин не уступил, и только 16 апреля 1878 г. Александр II всё же произвёл Евгения Васильевича в генерал-майоры, приказав ему состоять по МВД⁴⁹.

Известности Богдановича безусловно способствовали его многочисленные публикации. «Человек неглупый, наглый, пронырливый, — вспоминал Феоктистов, — он проник и в литературный мир, писал статьи и издавал книжки назидательного и патриотического содержания и, конечно, постарался сблизиться с Катковым, потому что Катков представлял собой силу, которою ему было выгодно воспользоваться для своих целей. Уже одно то, что он получил право называться приятелем Каткова, ставило его высоко в мнении тех, кто не

⁴⁵ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 12.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 169, к. 59, д. 33, л. 1—2.

⁴⁷ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 585, л. 1.

⁴⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 59, д. 33, л. 9.

⁴⁹ РГИА, ф. 1284, оп. 51, 1888 г., д. 50, л. 270 об.—272.

знал его близко»⁵⁰. Помимо газетных статей, Богданович выпустил в Петербурге ряд популярных брошюр, рассчитанных на распространение среди военных и в высшем обществе: «Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году» (1873), «Наварин, 1827—1877» (1877), «Синоп, 18 ноября 1853 г.» (1878), «Гвардия русского царя на Софийской дороге 12 октября 1877 г.» (1879), «Стрелки Императорской фамилии. Исторический очерк» (1881). Работа над этими изданиями неизбежно привлекала внимание к их автору. Так, узнав в апреле 1879 г. о намерении Богдановича описать бой у Горного Дубняка, «цесаревич очень этим известием был доволен и приказал по полкам устроить беседы и собирать для доставления Е[вгению] В[асильевичу] все материалы, касающиеся этого дела»⁵¹.

23 марта 1879 г. при содействии нового министра внутренних дел Л.С. Макова генерал даже получил от Александра II дозволение «на собрание и издание “Материалов к истории первого двадцатипятилетия царствования монарха-освободителя”». Его готовы были допустить к архиву Государственного совета. Однако в МИД быстро поняли, кого предполагается ознакомить с правительственными секретами. 11 апреля товарищ министра Н.К. Гирс уведомил Макова, что, по мнению кн. А.М. Горчакова, «опубликование дипломатической переписки и документов, относящихся до эпохи столь свежей, было бы неудобно и преждевременно, и потому его светлость не находит возможным согласиться на допущение генерала Богдановича к изучению и изданию этих бумаг». В тот же день в разговоре с Маковым император распорядился прекратить осуществление данного замысла⁵².

Тогда генерал, с 1878 г. являвшийся старостой Исаакиевского собора, переключился на издание многотиражных бесплатных брошюр для народа (характерно, что в правительстве подготовку такой продукции курировал тогда Валуев). «Кафедра Исаакиевского собора» регулярно выходила с апреля 1879 г. до конца 1883 г. (последний, 50-й, выпуск появился «в виду совершенно исключительного обстоятельства» в 1886 г.). Тираж её номеров составлял обычно 3—4 тыс. Но № 32, посвящённый гибели Александра II, разошёлся за два месяца в количестве 240 тыс. экземпляров⁵³.

Со временем центром общественной и литературной деятельности Богдановича становится созданный им вместе с супругой салон. Время его возникновения точно не установлено. Д.И. Стогов полагает, будто он появился ещё в 1860-е гг. (сам генерал писал в 1910 г. Николаю II, что устраивает завтраки «уже полвека»)⁵⁴. Но Богданович тогда был холост и часто находился в командировках. 19 января 1869 г. он женился на А.В. Бутовской, а в середине 1870-х гг. салон уже существовал⁵⁵. К 1879 г., судя по дневнику генеральши, поток посетителей стал для супругов чем-то привычным. В их гостиной, открытой для представителей всех сословий и классов, устанавливались знакомства и завязывались связи, происходил непрерывный обмен информацией и слухами. Здесь встречались люди как либеральных, так и консервативных взглядов. Сюда приглашались все, кто мог быть полезен хозяевам или их гостям. Поэтому в

⁵⁰ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 254.

⁵¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234, л. 15.

⁵² Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 1913, л. 1—9 об.

⁵³ Кафедра Исаакиевского собора. 1881. № 32. С. 31; № 33. С. 4.

⁵⁴ Стогов Д.И. Правомонархические салоны... С. 138.

⁵⁵ А.В. Богданович // Вечернее время. 1914. 5(18) декабря.

первые десятилетия существования салона Богдановичей едва ли можно говорить о сколько-нибудь выраженной его идеологической окраске. Трудно даже признать его собственно политическим, поскольку политикой интересы появившихся там лиц отнюдь не ограничивались. В неформальной обстановке из собеседников легко было вытягивать сведения, нередко они и сами спешили их сообщить. Всё это укрепляло позиции и расширяло возможности генерала, превращавшегося в фигуру, пытавшуюся влиять уже не только на общественную жизнь, но и на внешнюю политику России.

Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей

Андрей Мамонов

Count M.T. Loris-Melikov and the salon of Bogdanovich

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870008277-5

Как известно, «либеральная система», которую в 1880—1881 гг. пытался выстраивать гр. М.Т. Лорис-Меликов, подразумевала активное вовлечение в правительственную политику «общества» и периодической печати различных направлений¹. Контакты графа с общественными деятелями и публицистами не раз привлекали внимание историков². Гораздо хуже освещены (да и слабее отражены в источниках) его связи с петербургскими салонами. Между тем хорошо известно, что он широко ими пользовался, по меньшей мере с зимы 1878/79 гг. Графиня М.Э. Клейнмихель «часто встречалась» с ним тогда «у графини Адлерберг, жены министра двора Александра II». У Е.Н. Нелидовой гр. Лорис-Меликов сблизился с А.А. Абазой. «В клубах и салонах только и было разговоров, что о прекрасном армянине», — вспоминала гр. Клейнмихель. Ловко подыгрывая своим собеседникам, «он каждому нравился и каждый говорил

© 2020 г. А.В. Мамонов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ См.: *Христофоров И.А.* Закат эпохи преобразований // Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 166—178.

² *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964. С. 148—378; *Афанасьев А.П.* Столичные либеральные газеты и лорис-меликовская «диктатура» (начало 80-х годов XIX века) // Проблемы истории СССР. Вып. 3. М., 1973. С. 182—194; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 190—209; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати (60—70-е годы XIX века). Л., 1989. С. 17—19, 80—82, 111—112, 191—193; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 246—247; *Луночкин А.В.* Газета «Голос» и режим М.Т. Лорис-Меликова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Философия. 1996. № 1. С. 49—56; *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 120—135; *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 69—72, 95—96; *Твардовская В.А.* Александра Дмитриевич Градовский // Российские либералы. М., 2001. С. 142—151; *Дубенцов Б.Б.* М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880—1881 гг. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 63—69; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 102—210.